

На двух стульях

(По поводу выступления В. Тамбовцева¹)

Выступление В.Тамбовцева я слушал со смешанным чувством удовлетворения и досады. Первое из этих чувств вызвало то, насколько последовательно и довольно-таки корректно, без навешивания ярлыков, была подвергнута критике позиция Ю.М.Осипова. Второе чувство, досады, связано с тем, что письменный вариант вступительного доклада был роздан всем участникам конференции, а потому несколько продуктивнее, на мой взгляд, было бы критиковать его и другие материалы того же и/или других авторов, а не высказывания типа "мне не нравится парадигма экономикса", которые, конечно, не имеют прямого отношения к науке и научной аргументации.

Я довольно хорошо понимаю чувства, которые испытывал (или мог испытывать) В.Тамбовцев при знакомстве с многими текстами Ю.М.Осипова и его коллег. Мы с ним "одной крови", дворняжей, если так можно выразиться. В 1965-1970 гг., учась на отделении экономической кибернетики нашего родного факультета, мы приняли большие дозы и чистокровной политической экономии, и экономикса (хотя тогда он назывался иначе). С тех пор и сидим на двух стульях, не испытывая от этого большого неудобства.

Я попробую взглянуть на некоторые тексты Ю.М.Осипова как бы глазами В.Тамбовцева, а затем поменяю позицию на почти противоположную и посмотрю критическим глазом на тексты В.Тамбовцева. Для удобства проверки моих выводов участниками нашей конференции я буду обращаться только к материалам, легко доступным для них (список указан в конце текста).

Но сначала несколько замечаний более общего характера. Мне представляется, что несмотря на малозначительный повод выступления В. Тамбовцева, причина его неприятия позиции Ю.М. Осипова гораздо глубже и традиционнее. В разное время эта проблема называлась по-разному. Например, в годы студенчества нас учили различать логику формальную и логику диалектическую и, конечно же, отдавать приоритет второй из них. Сейчас мы осваиваем западную терминологию и говорим об островной и континентальной традициях европейского философского мышления. На мой взгляд, не будет большой натяжкой связывать первую из них, островную, с кочевым образом жизни, по всей видимости первичным в истории человечества, а вторую с оседлым образом жизни, естественно, более фундаментальным, приспособленным для того, чтобы "смотреть в корень". Первая традиция сознательно "фрагментарна". Следуя ей, Дж. Хикс сравнивал науку с фонарем, узкий луч света от которого всегда освещает только отдельные фрагменты. На это, правда, можно возразить, что фонарь надо ещё уметь направить, а для этого желательна хоть какая-нибудь общая подсветка, современная осветительная ракета, хотя бы изредка запускаемая в небо, или старый традиционный факел. На это, в свою очередь, "островитяне" могут ответить, что как раз они в наибольшей степени сохранили свои научные школы, в которых сокровенное знание передается от учителя к ученику "из рук в руки", не доверяя его бумаге (ну точно как первобытные кочевники, которым книги – просто лишняя обуза, запас, который карман тянет-таки, не то, что нашему крестьянину)... И так далее до бесконечности (дурной)².

¹ Данный текст инициирован устным выступлением В.Л.Тамбовцева и может не вполне корреспондировать с его письменным вариантом, если таковой имеется. Несколько эмоциональный заголовок моей публикации представляет собой реакцию на стиль выступления уважаемого коллеги и не предполагает дальнейшего развития темы "стульев" в направлении "до абсурда", как это сделал сам В.Тамбовцев по отношению к некоторым не самым удачным высказываниям организатора нашей конференции, Ю.М. Осипова, во вступительной речи.

² Чтобы не заниматься этим, а наметить иной путь рассуждений, упомяну позицию известного философа В.Степина, который различает классические, неклассические и постнеклассические представления о рационально-

Мое первое общее замечание состоит в том, что не существует некоего универсального шаблона научности. В указанных двух традициях они совершенно разные. Можно и дальше продолжать взаимные обвинения в ненаучности, но лучше, по моему, максимально четко осознать, какая именно философская традиция лежит "за" той или иной экономической теорией, включая своей собственной. Это позволит хотя бы развести совершенно разнокачественные объекты критики. Как мне представляется, В. Тамбовцев этого делать не стал, хотя вполне мог бы.

Второе общее замечание непосредственно вытекает из первого. Оно состоит в том, что осознание собственной философской базы желательно выражать максимально аккуратно: либо по возможности строго используя терминологию определенной философской школы, системы, либо, если это не получается, стараться вообще избегать специальной терминологии, а выражать свою философскую позицию на обычном, понятном всем языке, тщательно избегая специальных философских терминов. (Понятно, что к специальным экономическим терминам это не относится, без них экономисты в разговоре между собой обойтись не могут.)

Как мне кажется, эмоциональный фон выступления В. Тамбовцева во многом навеян как раз не вполне корректным обращением Ю.М. Осипова в своих текстах с философской терминологией.

Приведу несколько конкретных примеров.

"Автор учебника стоит за философский подход, тот самый подход, который нашел живое воплощение в классической экономической мысли"[1, 10]. На самом деле, никакого единого "философского подхода" не было и нет. Можно пока только предположить, что автор имеет в виду некий вполне определенный подход. Какой именно? Скорее всего, что-то континентальное, а точнее, из немецкой классики.

"Способ хозяйства – сущностно-системная характеристика хозяйства. Раскрыть способ – раскрыть не только характерные особенности системы хозяйства, но и выявить его сущность, что то же самое – качественную определенность. Равным образом, раскрыть способ – раскрыть не только сущность хозяйства, его качественную определенность, но и выявить специфические особенности хозяйства как системы. *Сущность и система неразделимы, – и в своей неразделенности они и определяют способ хозяйства*"[1, 34]. В этом абзаце второе и третье предложения почти тождественны, что вполне могло бы вызвать у В. Тамбовцева воспоминание о чем-то вроде "бритвы Оккама". Но ещё **большой** раздражитель для него, по-моему, имеется в первом и последнем предложениях, где системность повязывается с сущностью. Термин "система", как и ряд других, сильно обесценился от слишком частого употребления и его содержание стало слишком расплывчатым. Тем не менее, в "островной" традиции этот термин применяется без всякого сближения с "сущностью", для которой в ней нет места. Поэтому выражения типа "сущность и система неразделимы" для "островитянина" просто не имеют смысла.

Но и в рамках континентальной традиции приведенный абзац невозможно понять без комментариев автора. В частности, в наиболее развитой, гегелевской системе, "качество" относится к учению о бытии, а "сущность" – к учению о ней самой. Поэтому выражения типа "сущность, что то же самое – качественная определенность" не расшифровываемы в гегелевской системе. По-видимому, автор пользуется какой-то иной, возможно, своей собственной системой, но поскольку она не представлена в явном виде, читатель сталкивается с непреодолимыми затруднениями на пути к пониманию его мысли. Придавание термину "качество" некоего сущ-

сти. В рамках первой из них развивалась классическая физика, до сих пор остающаяся идеалом научности для есономіcs. Вторая предполагает явный учет позиции наблюдателя при интерпретации полученных результатов. Третья ориентирована на анализ социально-культурных факторов, порождающих те или иные представления о рациональности.

ностного оттенка присутствует и в противопоставлениях автором "качественности" и "количественности", которые я здесь не буду подкреплять конкретными ссылками.

"Стоимость – это значимость, ценность и цена *вместе и сразу*, а следовательно, *основное экономическое свойство товара*, его самая что ни на есть *экономическая суть*, а ещё лучше – **экономическая субстанция**.

Пояснение. Почему именно субстанция? Что привлекло нас в этом слове? Ответим: самое существенное значение этого слова – первооснова"[1, 168].

Это высказывание я буду комментировать уже только "от себя", без "критического взгляда В. Тамбовцева".

Первый комментарий. Представленная здесь синонимическая цепочка "свойство – суть – субстанция" весьма неоднородна. Первый член – "свойство" – в гегелевской системе относится к бытию, явлению, третий член – субстанция – к сущности, действительности, а промежуточный – "суть" – отсутствует (в ней есть "суть дела"). По-видимому, и здесь неявно представлена некая иная, не гегелевская система. Ключевое слово здесь – "субстанция". Его расшифровка как первоосновы, как и следовало бы ожидать, – вне гегелевской системы. Это, как представляется, вносит много недоразумений и даже к утверждению, с которым мне, например, невозможно согласиться: "...вопрос о самостоятельной субстанции стоимости нельзя не отнести к числу ложных. **У стоимости нет иной субстанции, кроме самой стоимости.**"[1, 171].

Дело в том, что как и "субстанция", "первооснова" – это тоже не вполне однозначный термин. За ним может скрываться и нечто деятельное, причинное, и нечто пассивное, субстратное. Почему-то в общеупотребительном обиходе³, чаще подразумевается второе. По-видимому, отказываясь от "самостоятельной субстанции стоимости", Ю.М.Осипов хочет дистанцироваться от "субстрата стоимости" как от чего-то ненаучного, вненаучного. В этом я с ним согласен. Но для этого нет необходимости отказываться от термина "субстанция" в значении "первопричина" ("reason"). Но если так, то и соответствующие формулировки К. Маркса о труде как субстанции стоимости оказываются "по эту сторону науки". От них пока нет никаких новых причин отказываться.

Я бы даже сказал, что в этом вопросе и К. Маркс, и экономикс стоят "по одну сторону барьера", которым от них отделились многие наши политикоэкономы, которые "стоимость" связывают исключительно с рыночным хозяйством, основанном на отношениях обмена между людьми. При всех критических замечаниях К. Маркса о бесплодности "Робинзонад" как средства познания капиталистического общества, ему же принадлежат слова о том, что все существенные определения стоимости уже заключаются в хозяйстве Робинзона, в обмене (внутри-субъектном!) своего труда на продукт труда [2, Т.23, 87]. Прямой иллюстрацией этой нетривиальной мысли является стандартная модель "экономика Р. Крузо" из экономикса⁴, в которой ценность (стоимость) единицы блага G представляет собой ту величину времени жизни (досуга) Le , от которого надо отказаться, переведя во время труда L , для её получения.

Можно утверждать, как это делает В. Тамбовцев, что такой обмен всегда был и всегда будет, а потому нет принципиальной разницы между экономикой древних шумеров и современной Японии. (Отметим в скобках, что исходная основанность общества, его культуры, на орошаемом земледелии их действительно очень роднит). Тем не менее, количественная определенность связи аргумента и функции уравнения $G=f(L)$ (времени живого труда и его непосредственного вещного результата) максимальна только в условиях индустриального общества. В

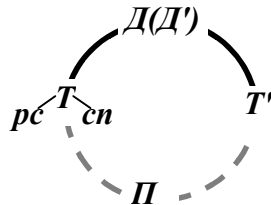
³ К которому, возможно, не замечая этого за собой, примыкает и Ю.М.Осипов. "Она [стоимость] из класса таких понятий, как Дух, Эфир, Энергия. За ней стоит что-то несубстанциональное, хотя и выражается она во многом субстанциональном – товарах, деньгах, капитале"[1, 350].

⁴ Точнее, из учебника промежуточного уровня микроэкономической теории, поскольку сам по себе экономикс – это просто вводный уровень экономической теории.

традиционном обществе, особенно при отсутствии орошаемого земледелия, она минимальна (слишком велика доля внешних, неконтролируемых факторов), а в постиндустриальном, по идее, отсутствует вообще. Разумеется, и такое общество в каждый отдельно взятый момент времени будет ограничено в возможностях имеющимися природными ресурсами и наличными технологиями их использования, но при решении хозяйственных вопросов "Что?" и т.п. ему придется обходиться без рынка труда, без "экономики Робинзона", в конце концов. Останется ли оно при этом рыночным? Сомнительно.

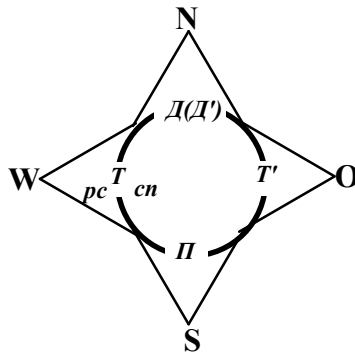
Таким образом, нечеткость использования Ю.М.Осиповым философских терминов оставляет слишком много возможностей толкования, снижает конструктивность его построений. Но прежде, чем перейти к обещанному "разбору текстов" В. Тамбовцева, мне бы хотелось высказать ещё два-три попутных замечания.

Первое – о схемах. Уже довольно давно, лет десять назад, я начал применять в преподавании несколько модифицированное изображение формулы $D-T...P...T'-D'$:

Это позволило в совершенно естественном виде демонстрировать цикличность процесса, которую приходится лишь домысливать, когда имеешь дело с линейно выраженной формулой $D-...-D'$. То, что капитал есть одновременно и вещь, и процесс, и отношение, также легко комментируемо с помощью этого изображения. При большом желании можно углубиться и в проблему субстанции, только ничего не помещая "в центр" изображения. Ведь если субстанция – это движение и самодвижение, то центр круга её обозначать не может, поскольку он – единственная неподвижная точка при вращении.

Кроме того, от этого объективного ("с высоты птичьего полета") изображения очень легко переходить к тому, как представляется (является, видится) этот "процесс-вещь" агентам, непосредственно в него включенным и занятым лишь на отдельных фрагментах:

"Северные" агенты-финансисты имеют дело с рынком ценных бумаг, деланием денег непосредственно из денег, "западные" агенты – с рынками физических капиталов и труда, "восточные" – с рынками товаров, а "южные" – с непосредственным процессом производства (благ, стоимости...). Такая картинка – один из мостиков между "континентальным" и "островным" подходами к экономике, средство получения более объёмного представления об экономической реальности. Добиться же "растворения" или поглощения одним подходом другого вряд ли удастся.

Второе – о языках экономической науки. Хотим мы того или нет, но основной естественный язык экономической науки – английский практически с самого начала её развития. Основной же современного профессионального языка является mainstream – опять-таки, хотим мы

этого или нет. Поэтому даже о происходящем у нас в стране говорить с зарубежными коллегами приходится прежде всего на этих, понятных им языках, где слово "воспроизводство" отсутствует в его экономическом значении. Его смысл ещё не забыли представители старшего поколения, которых знакомили с марксизмом, а всем остальным оно просто не знакомо.

Наши самые тонкие изыскания различий между "стоимостью" и "ценностью" просто не удастся перевести на английский язык, в котором есть один термин "value" – гораздо более приземленный, "количественный", чем его немецкая калька "Wert", имеющая более "качественный" оттенок, если верить Е. Бем-Баверку, который тоже задумывался об адекватности перевода "value" на свой родной язык⁵.

Что же касается языка математики, то, строго говоря, такого языка вообще нет как такового. Есть огромное количество самых разнообразных математических языков, причем часто не имеющих между собой ничего общего. Знакомый нам mainstream экономистов уже более ста лет пользуется ("пробавляется") математическим инструментарием физиков, так и не освоив их же последних новинок. Между тем, нельзя априори исключить, что существует или может быть специально разработан действительно специализированный математический язык (или даже семейство языков) экономистов. Не обязательно этот язык должен базироваться на теории множеств, которая сама по себе статична, динамика в ней задается только как нечто вторичное в виде операций над элементами множеств. Не исключено, что теория категорий окажется более подходящей основой, поскольку исходным в ней является понятие функтора.

Третье. Хотя часто mainstream критикуется за недостаточный учет фактора времени, статичность, в определенной мере эту критику с ним должна разделить и теоретическая конструкция К. Маркса. Приведу один пример. Ценовые параметры – p , w , r (собственно цена, заработная плата и процент) – в качестве именно цен рассматриваются и в одном, и в другом подходе, хотя второй и третий элементы представляют собой не параметры обмена, а параметры аренды (отношения, в котором реальное время представлено в самом явном виде). Возможно, для mainstream не имеет принципиального значения качественное различие этих очевидно разных и юридически, и экономически актов. Тем не менее, здесь асимметрия отношений аренды как таковых (хотя бы в информационном аспекте) уже принимается во внимание. Что же касается К. Маркса, то ему пришлось признать, что процент – это цена, которая не является денежным выражением стоимости соответствующего товара (денежного кредита) и его величина определяется соотношением спроса и предложения, а не "законом стоимости". Заработная же плата как форма стоимости другого товара, рабочей силы, оказалась абсолютно оторванной от того же закона стоимости, поскольку определяется не абстрактным трудом на его производство (ведь никто не "производит" рабочую силу ни в каком конкретном процессе), а стоимостью потребляемых благ. Цену и арендную плату наш классик почему-то различил только для одного товара – земли.

Но дело не только в ошибках, кажущихся или действительных, К. Маркса. Эквивалентность, о которой вслед за ним так любят размышлять многие наши экономисты, предполагает симметрию отношений, которая есть у обмена, но нет и не может быть у аренды. (Ну нет её, этой "опоры справедливости": "берешь чужие, отдаешь свои, берешь на время, отдаешь насовсем" – в этой известной шутке есть большая доля содержания, неприятного для любителей эквивалентности). Если учесть, что вся современная рыночная экономика пропитана арендными

⁵ "Двусмысленность выражения "Wert" породила бесчисленное множество ошибок и недоразумений, да и в будущем оно, наверное, породит их еще немало. Дело в том, что в нашем (немецком, - Л. Г.) языке название "Wert" остается пока связанным с объективной половиной своего двойственного значения не менее прочно, нежели с субъективной. Разорвать эту связь, правда, не представляется невозможным, но все-таки это дело очень нелегкое, особенно для романских языков, в которых со словами "valore", "valeur", "value" соединяется объективный, меновый смысл в гораздо большей степени, чем с немецким словом "Wert".

отношениями, начиная с кредитного характера денег, то оказывается, что собственно для эквивалентностного подхода почти не остается места. Или надо само представление об эквивалентности как-то пересматривать, "переходить к новой парадигме"...

А мы пока перейдем к текстам В. Тамбовцева "К типологии экономических парадигм" [2, 182-192] и "Проблема постэкономического синтеза и принцип рационального невежества" [3, 41-48]. В первом из них предлагается увязывать тип господствующей парадигмы экономической теории с фазой жизненного цикла доминирующего общественно-технологического уклада.

Первым двум фазам – зарождения и экспансии – соответствуют "парадигмообразующий" вопрос – "как устроено?", преобладание описательно-объяснительных подходов к имеющимся в изобилии ресурсам, *статический стиль исследования*. Третьей фазе – замедления роста – соответствуют вопрос: "что будет?", повышение роли предсказательной функции науки, *кинематический стиль исследования*. Наконец, четвертой, последней фазе – стагнации – соответствуют вопрос: "что делать?", рекомендательная направленность научных работ, *динамический стиль исследований* [2, 188].

Далее автор высказывает суждение, что сейчас, начиная со второй половине 90-х гг. мы, россияне, попали в первую фазу⁶, а потому пора надолго, на десятилетия сменить динамический стиль(=парадигму) на статический. А если для академических исследований не хватает эмпирических данных из-за неудовлетворительного качества статистики, то их лучше вообще не проводить, руководствуясь принципом "рационального невежества"⁷.

Схема, равно как и попытка её применения, не лишена интереса, но, к сожалению, вопросов она вызывает больше, чем дает ответов. Прежде всего, непонятно практически полное отождествление автором терминов "стиль" и "парадигма". Вряд ли оно заимствовано им у К. Поппера, И. Лакатоса или Т. Куна, на чей авторитет он ссылался в самом начале своего текста. Скорее можно сделать противоположный вывод, поскольку сам В. Тамбовцев начинает с того, что каждая успешная парадигма должна эффективно выполнять все основные функции: описательную, объяснительную и предсказательную [2, 183]. Кстати, в этом перечне нет "рекомендательной" функции, которой просто нет места в науке согласно строгим "островным" критериям. В тексте она появилась позже как своеобразная дань российским (или советским?) традициям научного "обоснования" любой политики. "Размазав" парадигмы по стилям и отдельным функциям, а их, в свою очередь, по фазам жизненного цикла общественно-технологического уклада, В. Тамбовцев по сути дела ушел от серьезного разговора о парадигмах. Может быть, в этом и состоял его замысел? Но стоило ли тогда начинать разговор?

Вторая группа вопросов в связи со схемой и её применением касается собственно "общественно-технологического уклада". Во-первых, на языке какой науки формулируется это понятие? В *mainsrteam* его нет, это точно. Скорее всего, автор заимствует его у наших отечественных экономистов-"континентальщиков", в чем лично я никакого криминала не вижу. На двух стульях сидеть можно лучше, чем на одном. Но в таком случае было бы очень желательно собственные критерии научности привести в соответствие с фактически занимаемой позицией или уж не поминать о них вообще.

Во-вторых, о каких укладах можно говорить применительно к нашей ситуации? В тексте упомянуты два уклада: "нефтехимический" и "компьютерный", однако лишь в связи с мировы-

⁶ "Схема подсказывает: пришло время анализа, ответа на вопрос – как устроено на самом деле то, в чем мы живём, что получилось из конгломерата противоречивых, непоследовательных, трагичных и мудрых действий, которыми были наполнены последние пять лет, и которые вряд ли в одночасье превратятся в упорядоченное и последовательное проведение какой-бы то ни было "единой линии"[4,189].

⁷ "...легко прийти к отказу от научных разработок по весьма широкому кругу областей, к замене научного знания обыденным опытом, интуицией, спекулятивными логическими построениями, основанными на неполных исходных знаниях"[4, 192].

ми переходами, безотносительно к России и тому, что здесь происходит. Без указания хотя бы на то, какой "уклад" здесь ушел в прошлое, говорить о применении этой схемы вряд ли корректно. Получается, что В. Тамбовцев описал одну объяснительную схему, а использовал другую? Как-то не очень рационально это выглядит.

Тем не менее, поиски причин того, что именуется кризисом университетско-академической экономической науки, в отношениях "власть-наука" представляются перспективными. Однако мне представляется, что наша власть никогда в истории российской государственности не была замешена на "производстве", а потому привлечение "укладной" терминологии представляется не вполне уместной. Скорее, она была замешена на "торговле", точнее, внешней торговле и связанными с этим естественными ресурсами: пространственными, воспроизводимыми и невозпроизводимыми.

Тысячу лет назад именно торговый путь "из варяг в греки" стал основой возникновения первого российского государства. Его эксплуатация и защита были главным делом нашей власти. Затем на протяжении многих веков её интересом была продажа первичных (таких, как лес, меха) и вторичных (таких, как хлеб) воспроизводимых продуктов природы в обмен на предметы своего собственного потребления. Вовлечение этих продуктов в международный оборот требовало манипулирования деятельностью миллионов людей на огромных пространствах, что властью и делалось с переменным успехом вплоть до середины текущего века. Во второй половине произошла коренная смена "предмета присвоения-продажи", а с ним и "внешнеторгового уклада". В качестве основного такого предмета теперь (точнее, ещё с 70-х гг.) выступает природный газ.

Его присвоение "верхами" вовсе не требует предварительного подчинения "низов", в том числе и идеологического, на православной или коммунистической основе. Скорее наоборот, сам по себе газ как предмет первой необходимости и в быту, и на многих производствах представляет собой очень удобное средство манипулирования, о чем власти знают давно и хорошо. Газа много, во всяком случае на два-три поколения элиты хватит. Потом можно будет поплотнее заняться углем. В любом случае с точки зрения интересов элиты в России сейчас оказалось огромное избыточное население. В этом главная проблема власти на сегодняшний день. Но к экономической науке она никакого отношения не имеет, особенно к "континентальной". "Островная" в силу ориентированности на отношения обмена вполне может обслуживать рутинные операции по доведению первичных ресурсов до конечных пользователей.

Скорее всего, подобные рассуждения не являются чем-то новым для В. Тамбовцева. Но тогда зачем говорить о каких-то абстрактных "организационно-технологических укладах", привязывать к фазам их жизни некие стили-парадигмы?

Перейдем теперь ко второму из названных текстов этого автора, о постэкономическом синтезе. Этот текст заканчивается утверждением о том, что "базовая модель в своей парадигматической функции интерпретатора предметной области" пока что всегда и везде демонстрирует свою эффективность. В подобных высказываниях есть свои скрытые ловушки. Начнем с того, что "базовая модель" ориентирована не на деятельность человека вообще, в том числе и экономическую, а только на поведение или то, что "сводимо к поведению". Проблема различия деятельности и поведения даже не ставится и, конечно, не обсуждается в рамках рассматриваемого подхода. Между тем, вопрос этот не так уж сложен.

В общем виде можно сказать, что деятельность человека от его же поведения отличает свойство спонтанности, недетерминированность никакими предшествующими событиями. По этой простой причине он несет ответственность за результаты своих действий. Есть науки, например, юриспруденция, которые немыслимы без такого представления о человеке. В случае же поведения мы обычно имеем дело со схемой "стимул-реакция". В экономической теории в качестве "стимулов" рассматриваются изменения цен, доходов и других ограничений, а в каче-

стве "реакций" – изменения решений (уменьшение потребления одних благ, увеличение потребления других и т.п.). Ничего собственно человеческого в этом нет. Аналогичные опыты можно ставить и на животных. Они тоже сначала затрачивают силы и время на поиск и/или приготовление пищи, а потом подкрепляются.

Можно сказать, что в "базовой модели" человек рассматривается только как животное. В этом есть свой очень большой резон, "своя правда". По сути дела вся рыночная экономика – это сфера преобладания животного начала в хозяйственной жизни человека. Впрочем, то же можно сказать и о "дориночной экономике", о внутрисемейных экономических отношениях традиционных обществ. Что же касается будущего, в котором именно на креативную способность индивидов уже сейчас возлагаются особые надежды, то здесь можно зафиксировать потенциальную слабость "базовой модели".

Но дело не только в будущем. Механистичность "базовой модели" поведения, которую вряд ли будет оспаривать В. Тамбовцев, весьма упрощает и представления об умственной деятельности человека. По его собственному высказыванию [3, 46] такие феномены, как интуиция, озарение, догадка – всего лишь результаты деятельности "механизмов работы мозга". Возможно, в данном случае "механизм" – только метафора. Тогда я бы сказал, что метафора неудачная. Ведь мыслит не мозг, а человек...

Ещё неудачней, как мне представляется, применение буквально в этом же и в следующем абзаце "базовой модели" к деятельности ученого. "Желаемый научный результат" – это скорее что-то из серии "Откроем новую частицу в текущем квартале", если вспоминать "Девять дней одного года". Догадка и рутина как *взаимозаменяемые* ресурсы научного творчества – это нечто! После этого хочется просто шутить, поскольку серьёзно говорить здесь не о чем тому, кто хоть что-то сделал в науке сам. Я знаю, что В. Тамбовцев большой любитель шуток. Может быть, он и здесь пошутил?

Что совсем не смешно, так это известный феномен "прирастания маски". Сначала нечто обозначается как удобное (одно из многих возможных) средство описания некоей реальности, а не сама реальность. Потом об этом забывается, и это-то описание и оказывается единственной реальностью. Сначала говорится, что "базовая модель" – это только модель, "связывать с экстремальными моделями какой-либо содержательный смысл... некорректно"[3, 44] Затем вдруг оказывается, что и на самом деле любой человек, даже ученый, только и делает, что "взвешивает затраты и результаты", коль скоро его "поведение" рационально: "...издержки осуществления *явного синтеза*, собственно решение проблемы ПЭС [постэкономического синтеза], для практиков экономической деятельности оказываются нерациональными, те улучшения значений целевых функций экономических агентов, которые могут быть достигнуты от их осуществления, представляются явно меньшими, чем требуемые затраты"[3, 47]. Да, извините, плевать практикам и на эти самые "целевые функции", и на ПЭС. Им бы выжить...

Так что там режут этой старой бритвой?

Литература

1. Осипов Ю.М. Теория хозяйства, том 1, М., ТЕИС, 1995
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
3. Бем-Баверк Е., Основы теории ценности хозяйственных благ // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер.- М.: Экономика, 1992. - с. 251-2
4. Экономическая теория на пороге XXI века / под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. СПб., 1996.
5. Творческое наследие С.Н.Булгакова и современное социально-экономическое знание / под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой, М., Диалог-МГУ, 1996